

РОССИЯ И ВОСТОК

УДК 94

Е. О. Старовойтова

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА В КИТАЕ ПОСЛЕ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 годов: ДИСКУССИИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Поражение России в Русско-японской войне и заключение Портсмутского мирного договора кардинально изменили расстановку сил на Дальнем Востоке, нанеся значительный урон имиджу Российской империи на международной арене. Наибольший ущерб эти события нанесли отношениям Российского государства с Цинским Китаем. Аннулирование двусторонних соглашений 1896 и 1898 гг. привело к окончательному краху линии «мирного» (посредством экономических мер) проникновения России в Китай, проводимой Министерством финансов во главе с графом С. Ю. Витте с середины 1890-х годов. Россия столкнулась с необходимостью искать новые пути сохранения своих позиций в дальневосточном регионе, входившем непосредственно в сферу политических и коммерческих интересов императора Николая II и его окружения.

В связи с этим по сей день остается открытым вопрос: почему за столь незначительный в исторической перспективе отрезок времени Россия и Китай от заключения взаимовыгодных соглашений в сфере пограничного размежевания, торговли, финансов дошли до практически полного отдаления?

Многие исследования русско-китайских отношений конца XIX — начала XX в. оканчиваются 1905 г. — рубежом, когда дипломатические связи между двумя соседствующими государствами вступили в затяжной период стагнации. Действительно, после 1905 г. и до Синьхайской революции стороны не заключили практически ни одного официального соглашения, если не учитывать различных протоколов КВЖД. Однако было бы ошибочным полагать, будто две страны, объединенные столь протяженной общей границей, могли поддерживать полную изоляцию друг от друга вплоть до самого падения империи Цин. Ведь именно в конце XIX — начале XX в., как отмечает Н. А. Самойлов, начался период активного социокультурного взаимодействия

Старовойтова Елена Олеговна — аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
e-mail: e.o.starovoytova@mail.ru

двух стран, что было связано с появлением новых коммуникативных каналов, таких как приграничная зона и линия КВЖД с центром в г. Харбин, а также города Порт-Артур и Дальний [1, с. 11]. Не стоит забывать и о той роли, которую оказали на развитие общественной мысли в Китае события в России 1905 г.

Поэтому, на наш взгляд, сегодня, обращаясь к событиям тех лет, необходимо взглянуть на источники по истории российско-китайских отношений начала XX в. с позиции современного исследователя, попытавшись уйти от событийного повествования и ввести в изучение описываемых процессов новые методы исследования.

Согласно принятой официальной историографией КНР точке зрения со второй половины XIX в. Россия, наряду с другими колониальными державами, стала проводить активную империалистическую политику в Китае. Например, сотрудник Института Новой истории при АОН КНР Луань Цзинхэ утверждает, что посредством подписания Санкт-Петербургского протокола 1881 г. царская Россия «облекла в форму договора захват исконно китайских территорий общей площадью почти 500 тыс. кв. км» [2, с. 62]. Таким образом, для китайских исследователей все дальнейшие события в отношениях России с империей Цин видятся лишь продолжением «захватнической политики», а ухудшение отношения китайских властей к России им кажется вполне обоснованным, так как является ответом на агрессию со стороны колонизатора.

Отечественные же ученые в целом сходятся во мнении, что договор 1881 г. был подписан в период существования равноправных отношений между сторонами, однако в дальнейшем сотрудничество не сложилось в связи с желанием России выступать на Дальнем Востоке наравне с остальными колониальными державами, что часто связывают с особенностями личности последнего российского императора.

Среди тех, кто поддерживает эту точку зрения, и сотрудник ИРИ РАН А. В. Игнатьев, который полагает, что внешнеполитическая стратегия Николая II к началу XX в. переросла в «размашистый аннексионизм, доведший вскоре Россию до провала на Дальнем Востоке» [3, с. 8]. Об этом говорит частая смена стратегий в отношении Дальнего Востока, которую можно наблюдать в период правления Николая II. Действительно, политика «мирного экономического проникновения» в Китай Витте, активный период которой пришелся на 1896–1900 гг., к 1903 г. была отброшена под влиянием идей так называемой Безобразовской шайки. Это, в свою очередь, привело к поражению от Японии в 1905 г.; необходимо было немедленно пересмотреть дальневосточную стратегию, на смену аннексионизму пришла политика балансирования.

Среди прочих причин ухудшения в отношениях между сторонами российские специалисты называют и перемены в цинских властных кругах. Например, по мнению И. В. Лукоянова, еще «после японо-китайской войны 1894–1895 гг. правители Поднебесной пришли в себя и перестали отступать» [4, с. 62]. А как отмечает в своей статье Е. В. Добычина, с приходом к власти в Китае императрицы Цыси более отчетливым стало «стремление к сближению со Страной восходящего солнца, подкрепленное идеей объединения всех народов желтой расы для отпора притязаниям Запада» [5, с. 128]. Рассматривая развитие отношений между Россией и Китаем после 1896 г., можно найти подтверждение такой точки зрения.

Наиболее очевидным охлаждение в отношениях России с Китаем стало после занятия русской эскадрой Порт-Артура в 1897 г. и участия русской армии в подавлении боксерского восстания 1900 г., что было расценено цинскими властями как самовольное вмешательство в дела суверенного государства.

Противоречия лишь усилились после событий 1904–1905 гг. «Ослабление престижа России после Русско-японской войны дало готовое оружие в распоряжение китайского правительства и имело результатом осуществление им целого ряда мер, направленных к умалению прежнего господствующего положения России в Маньчжурии» [6, с. 55]. В переписке между государственными деятелями России и Японии, относящейся к периоду после Русско-японской войны, речь идет также о «пробудившемся самосознании китайцев и их стремлении освободиться от иностранной опеки» [7, л. 6].

Характерной особенностью дальневосточной политики России после 1905 г. стала ее зависимость от бывшего противника — Японии. Автор предложений по добровольному присоединению к России Монголии, Китая и Тибета П. А. Бадмаев так объяснял сложившуюся ситуацию: «Представители правительства вследствие полного незнания с Дальним Востоком не умели воспользоваться взглядами и советами знатоков Востока. Теперь только стало известно всем, что маленькая Япония опередила нас армией и флотом, своей разведочной службой, агитацией в Восточной Азии, Европе и Америке, знанием нашего внутреннего строя, и что мы далеко отстали от нее в проявлении энергии и правильной деятельности» [8, с. 15].

Согласно положениям мирного договора, заключенного между Россией и Японией в Портсмуте, Россия отказалась от значительной части своих притязаний на Дальнем Востоке, признав Корею сферой японского влияния, а также уступив Японии арендные права на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним (大连), часть Южно-Маньчжурской железной дороги от Порт-Артура до Куаньчэнцзы¹ (宽城子).

Последовавшее затем секретное русско-японское соглашение 1907 г., подписанное в Петербурге министром иностранных дел России А. П. Извольским и японским послом в России Мотоно, устанавливало раздел Маньчжурии на русскую (северную) и японскую (южную) сферы влияния. Отсутствие единственной державы, претендующей на главенствующую роль в этой выгодно стратегически расположенной и богатой природными ископаемыми области, привело к тому, что уже в 1909 г. государственный секретарь США Ф. Ч. Нокс выступил с предложением по нейтрализации железных дорог в Маньчжурии. В действительности «план Нокса» являлся не чем иным, как попыткой усиления американских позиций в Маньчжурии посредством проведения политики «открытых дверей».

Такое намерение американцев, конечно, не могло не вызвать немедленной реакции со стороны российской и японской дипломатии. Секретная депеша чрезвычайного и полномочного посла России при императоре Японии Н. А. Малевского-Малевича, отправленная из Токио 29 января 1910 г., гласит: «По его (гэнро Иноуэ². — Е. С.) мнению, обоим соседним Государствам надлежит иметь в виду, что в более или менее близком будущем может возникнуть вопрос о разделе Китая. Он думает, что предвидение такой возможности и вдохновило Американское Правительство выступить с проектом нейтрализации, осуществление которого создало бы в Маньчжурии новые американские интересы и обеспечило бы тем самым за Америкой всякий голос в китайских делах вообще. Вот почему Россия и Япония, затратившие так много сил в Маньчжурии, должны так крепко держаться друг друга. Маркиз находит, что вернейшим средством противодействия непрошенному вмешательству третьих в маньчжурские дела было

¹ Распространенное в конце XIX — начале XX в. наименование города Чанчунь (长春) в провинции Цзилинь (Гири).

² Иноуэ Каору (1836–1915) — японский политический деятель, первый министр иностранных дел Японии.

бы заключение между Россией и Японией союза (alliance). ...При таких условиях мир на Дальнем Востоке был бы обеспечен и китайские дела пришли бы в лучшее состояние. А теперь Китай ищет себе союзников за океаном и не понимает, на какой скользкий путь он вступает, склоняясь к уговорам Америки» [9, л. 123–123 об.].

В связи с этим вполне закономерным выглядит подписание секретной русско-японской конвенции от 4 июля 1910 г., во многом направленной против США и закрепившей сотрудничество двух стран в ограждении их интересов не только в Маньчжурии, но и в Китае в целом, а также в Монголии и Корее.

Таким образом, России действительно пришлось «балансировать» между различными силами на Дальнем Востоке, чтобы окончательно не лишиться всех положительных результатов, достигнутых в предыдущие годы.

Китайские исследователи по-другому расценивают значение русско-японских соглашений. Так, один из современных китайских специалистов по истории данного периода пишет: «Что касается России, то секретными соглашениями с Японией она не только гарантировала себе определенное положение на Северо-Востоке Китая, но стала проводить новую, “жесткую”, политику на Дальнем Востоке. Правительство Российской империи, пользуясь союзом с Японией, постоянно организовывало различные провокации в отношении Китая, такие как подписание коммерческих соглашений, что ускорило отделение Монголии и привело к еще большей нестабильности на китайской границе» [10, с. 147].

Секретные соглашения между Россией и Японией также негативно расценивались китайскими современниками освещаемых событий. Так, в секретной переписке китайских сановников можно прочесть: «Разве в настоящее время русские и японцы боятся чего-либо, когда так основательно действуют в Маньчжурии, Монголии и Корее? На нашу территорию они смотрят как на земли, отведенные для колонизации. <...> Маньчжурию они уже разделили на Северную и Южную и проживает каждый в своей части по своему произволу, не касаясь почти друг друга. Однако, опасаясь, что, в конце концов, им не удастся завладеть Маньчжурией, они заключили дружественное соглашение, которое, по их мнению, должно служить верным путем к окончательному занятию Маньчжурии» [9, л. 2].

Может показаться, будто китайские чиновники, заботясь о судьбах своей родины, старались всячески противодействовать захвату Маньчжурии иностранными государствами. Однако, на наш взгляд, подобные заявления могли быть вызваны не столько «патриотическими чувствами», сколько стремлением соблюсти собственные интересы.

Еще в начале XX в. П. А. Россов в своих «Очерках занятия Квантуна» так оценивал поведение китайского чиновничества на местах: «Китайские чиновники и ученые, конечно, сразу осознали истинное положение вещей и решили, что если сила обстоятельств вынуждает их уступить свое влияние в стране иностранцам, число которых все возрастает и противостоять которым нет никакой возможности, то, по крайней мере, не уступать им без борьбы своего привилегированного положения и насколько можно постараться дискредитировать их в глазах народа. Они, не сговариваясь между собою, а следуя лишь естественному инстинкту самосохранения, дружно сплотились в борьбе с надвигающимся в лице иностранцев злом и, искусно пользуясь случаем, постарались внушить народу превратное понятие о пришельцах» [11, с. 3].

Следует отдельно отметить, что с приходом иностранцев местные чиновники остались практически без средств к существованию, так как лишились права взимать различные сборы и подати. В связи с этим можно предположить, что китайское чиновничество на местах, в частности в Маньчжурии, в поисках материальной выгоды

«балансировало» между теми силами, интересы которых соприкасались в данном регионе, поддерживая одну из них в наиболее выгодный для себя момент. Если принять во внимание тот факт, что цинское чиновничье сословие было единственным связующим звеном между местным населением и иностранной администрацией, то можно сделать вывод, что китайские местные власти, когда было необходимо, вполне могли склонять население на сторону той или иной державы.

Как отмечали еще современники данных событий, одним из важнейших способов достижения договоренностей с цинской администрацией в рассматриваемый период был подкуп, и самым выгодным положением в Китае могла обладать та сила, которая наиболее умело пользовалась данным средством. В монографии Б. А. Романова о политике России в Маньчжурии отмечается, что подкуп ошибочно изображался С. Ю. Витте «как вынужденное средство для ликвидации последствий чужого “ребячества” и умышленно скрывался как неизбежное в данных условиях средство тактического развертывания собственного грандиозного политического плана — средство, при этом отнюдь не диковинное и принимавшее на протяжении всей дипломатической истории международных отношений как европейских, так и внеевропейских стран самые разнообразные формы» [12, с. 50].

Профессор исторического факультета Пекинского университета Сюй Ваньминь в одной из своих статей отмечает, что на рубеже XIX–XX вв. в трех восточных провинциях не существовало должного контроля со стороны центральной власти. Это выражалось в том, что местный генерал-губернатор самостоятельно принимал принципиальные решения, в частности об отчуждении земель Маньчжурии, что крайне отрицательно сказывалось на положении дел в регионе [13, с. 252].

Подтверждается эта точка зрения и историческими источниками. В хранилищах РГИА содержатся документы, в которых один из местных чиновников высказывает свое мнение об устройстве управления Маньчжурией накануне Синьхайской революции: «Сопоставляя все данные, я пришел к заключению, что у нас в войсковых частях есть единственный недостаток — это то, что мы слишком часто меняем войсковые части, а также и начальников, у которых совершенно нет никакого желания заниматься основательно делом, так как они всегда чувствуют, что их в скором времени переведут в другую часть и труды их останутся бесполезными. Кроме этого у нас слишком плохо поставлен выбор чиновников, так как большая часть их является родственниками того же генерал-губернатора и почти ничего не делают. ...Наше чиновничество ничуть не интересуется государственными интересами, так как большая часть чиновников заботится исключительно о своей карьере, выдвигаясь вперед при содействии своих же родственников в лице генерал-губернатора и прочих высших властей, получая совершенно незаслуженные награды и повышения» [7, л. 95–96].

Очевидно, что подобные процессы в местной администрации вкупе с тем шатким положением, которое Россия занимала в Маньчжурии после 1905 г., не могли положительно сказаться на дальнейших отношениях России с Китаем. К тому же отношения представителей Российской империи, занимавшихся разработкой дальневосточной стратегии, с китайским центральным правительством в тот период были настолько противоречивы и полны непонимания, что российские дипломаты даже не считали возможным привлекать китайских сановников к решению вопроса о разделе сфер влияния в Маньчжурии, которая официально оставалась территорией империи Цин: «Привлечение к соглашению Китая... на мой взгляд, трудно осуществимо, к тому же оно едва ли отвечает нашим интересам» [7, л. 82 об.].

Возникшие противоречия приводили к тому, что положения, регулирующие отношения между сторонами, прежде всего контракты КВЖД, систематически не соблюдались местным населением при попустительстве властей. Это не только наносило ущерб политическому положению России на Дальнем Востоке, но и оказывало крайне негативное влияние на ее финансовое положение: «Если даже ограничиться рассмотрением только тех вопросов из сферы русско-китайских отношений, которые служили предметом переписки между Министерством иностранных дел и финансов за последние 4–5 лет, то станет вполне очевидным, что китайское правительство пользуется всяким благоприятным для него стечением обстоятельств для того, чтобы систематически нарушать наши права, даже обеспеченные действующими договорами», — сообщает в 1910 г. А. П. Извольский В. Н. Коковцову [7, л. 145].

В то же время в письме министра путей сообщения Японии барона Гото на имя Коковцова звучит такая оценка сложившейся к 1910 г. ситуации на Дальнем Востоке: «Причина зла в китайских делах кроется главным образом в самом Китае. Так как в Китае в настоящее время не имеется, так сказать, “политического центра”, то отдельные китайские сановники действуют совершенно по личному усмотрению, руководствуясь эгоистическими стремлениями и упуская из виду свои национальные интересы» [7, л. 162–162 об.].

Вышеописанные события продемонстрировали, что в начале XX в. заключения политических и торговых соглашений на высшем уровне оказалось недостаточно для установления долгосрочного и взаимовыгодного сотрудничества между Россией и Китаем.

После заключения Портсмутского мира российские деятели от внешней политики, а также представители деловых кругов, не получая желаемых результатов от своих действий в Китае (прежде всего в Северной Маньчжурии) и сталкиваясь с постоянными нарушениями существующих договоренностей, могли лишь констатировать отсутствие четкой позиции у центральной власти империи Цин наряду с беспринципностью чиновничества на местах. Однако, на наш взгляд, причиной возникновения столь серьезных противоречий между двумя странами могло стать игнорирование представителями властных кругов России цивилизационных особенностей соседнего народа.

Несмотря на то что со второй половины XIX в. происходило активное внедрение в дипломатическую практику Китая институтов западного международного права, в действительности чиновники как в центре, так и тем более на местах продолжали действовать в отношении иностранцев исходя из традиционных китаецентристских представлений, воспринимая русских как варваров. Например, среди местного населения Ляодуна русские пользовались даже меньшим уважением, чем японцы, так как не понимали иероглифического письма. Еще меньшим уважением представители русской администрации и деловых кругов стали пользоваться после событий 1900 г., когда, как писал в своих «Воспоминаниях» С. Ю. Витте, «Китай убедился в том, что нам верить нельзя» [14, с. 136].

В то же время многие участники событий в Северной Маньчжурии с русской стороны сетовали на нехватку поддержки от Санкт-Петербурга, а также на плохо организованную работу местной русской администрации, что прежде всего не давало возможности наладить нормальную деятельность в регионе местным предпринимателям. А в ситуации, когда отношения между сторонами регулировались в основном контрактами КВЖД, зачастую получалось так, что частные коммерческие интересы выходили на первый план в ущерб государственному.

Очевидно, что, поступая так или иначе, и китайские, и российские государственные деятели и представители деловых кругов действовали в рамках культурных и социально-психологических стереотипов тех социумов и культур, к которым они принадлежали. Поэтому при исследовании столь противоречивого периода в истории русско-китайских отношений недостаточно на основании архивных документов восстановить последовательность исторических событий и подробности деятельности тех или иных исторических личностей, следует также учитывать и особенности менталитета участников событий. Сегодня необходимо обратиться к истории российско-китайских отношений как к истории взаимодействия двух отличных культур с огромной областью соприкосновения и, используя методы, предлагаемые социальной историей и социальной антропологией, попытаться выявить характер всех существовавших между двумя народами связей — политических, экономических, социальных, культурных — с тем, чтобы получить наиболее точное представление об освещаемых событиях.

Литература

1. *Самойлов Н. А.* Россия и Китай в XVIII — начале XX века: тенденции взаимодействия и взаимовлияния // Вестник СПбГУ. Сер. 13. Востоковедение, африканистика. Вып. 2. СПб., 2010. С. 3–15.
2. *Луань Цзинхэ.* Цзиньдай илай Элосы дуй Хуа чжэнцэ шулунь // Чжун Э гуаньси дэ лиши юй сяньши. (Описание политики России в отношении Китая в Новое время // Русско-китайские отношения: история и современность.) Вып. 2 / под ред. Гуань Гуйхай, Луань Цзинхэ. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь, 2009. С. 55–71.
3. *Игнатьев А. В.* Последний царь и внешняя политика // Вопросы Истории. 2001. № 6. С. 3–24.
4. *Лукоянов И. В.* Порт-Артур в политике России (конец XIX в.) // Вопросы Истории. 2008. № 4. С. 49–66.
5. *Добычина Е. В.* Разведка России о японском военном влиянии в Китае на рубеже XIX–XX вв. // Вопросы Истории. 1999. № 10. С. 127–131.
6. *Кюннер Н. В.* Сношения России с Дальним Востоком на протяжении царствования дома Романовых. Владивосток: Восточный институт, 1914. 58 с.
7. РГИА. Ф. 560, оп. 45, д. 23.
8. *Бадмаев П. А.* Россия и Китай. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1905. 104 с.
9. РГИА. Ф. 323, оп. 5, д. 202.
10. *Юнь Цзичжоу.* Лунь Э Жи сы цы миюэ юй Эго дэ Юаньдун чжэнцэ // Чжун Э гуаньси дэ лиши юй сяньши. (Четыре тайных русско-японских соглашения и политика Российской империи на Дальнем Востоке // Русско-китайские отношения: история и современность.) Хэнань: Хэнань дасюэ, 2004. С. 137–150.
11. *Россов П.* Русский Китай. Очерки занятия Квантуна и быта туземного населения. Порт-Артур: Издание книжного склада «Новый край», 1901. 168 с.
12. *Романов Б. А.* Россия в Маньчжурии (1892–1906). Л.: Издание Ленинградского Восточного Института имени А. С. Енукидзе, 1928. 605 с.
13. *Сюй Ваньминь.* Гэнцзы Чжун Э дунбэй чжи чжань фаньсы лу // Чжун Э гуаньси дэ лиши юй сяньши. (К вопросу о переоценке русско-китайского военного конфликта 1900 г. // Русско-китайские отношения: история и современность.) Вып. 2 / под ред. Гуань Гуйхай, Луань Цзинхэ. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь, 2009. С. 245–256.
14. *Витте С. Ю.* Воспоминания: в 3 т. М.: Скиф Алекс, 1994. Т. 2. 575 с.

Статья поступила в редакцию 11 сентября 2012 г.